

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 161

04 июля 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката О. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение адвоката № ..., выданное Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 29 октября 2012 года), действующего от своего имени и в качестве представителя заявителя Д., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам адвоката О. от 11 марта 2024 года (вх. № ...) и Д. без даты (вх. № ...) в отношении адвоката До. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 17 апреля 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката До. по жалобе адвоката О. от 11 марта 2024 года (вх. № ...) и жалобе Д. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Д. содержится под стражей в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по Московской области, обеспечил участие представителя.

Адвокат До., надлежащим образом извещенный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, сообщив о нахождении в медицинском учреждении, ходатайство об отложении не заявлял (вх. № ...).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Д. и адвоката До., поскольку они своевременно извещены и

получили заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, интересы заявителя Д. представляет адвокат О., а п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель – адвокат О., одновременно являющийся представителем заявителя Д., в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен. Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно пояснил, что не согласен с выводом Комиссии о соблюдении адвокатом До. 24-х часового срока для вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению. Представленное адвокатом До. заявление якобы от имени Д. не подписано последним. Об этом свидетельствует представленное адвокатом О. заключение специалиста. Но даже если подпись Д. подлинная, адвокат До., по мнению адвоката О., все равно не имел права вступать в уголовное дело в качестве защитника по назначению, поскольку на тот момент 24-х часовой срок с момента фактического задержания Д. не истек. При рассмотрении настоящего дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии адвокату О. не дали возможность высказаться по доводам жалобы. В заседании Совета он считает необходимым обратить внимание, что следственные действия с участием Д. фактически не производились. Это подтверждается светокопиями протоколов допросов и объяснений Д., анализ которых свидетельствует об их полной идентичности. Представленное по этому поводу в Комиссию заключение специалиста не получило оценки и отражения в заключении. По мнению адвоката О., адвокат До. своим участием придал видимость законности незаконным действиям следователя. Заявитель также оспаривает выводы Комиссии о том, что задержанный Д. не делал замечаний в протоколах процессуальных действий, поскольку эта обязанность возлагается именно на защитника, в данном случае – адвоката До. В настоящее время в отношении Д. постановлен обвинительный приговор, на который принесена апелляционная жалоба. Если бы адвокат по соглашению появился после окончания 24-х часового срока, то процессуальное положение Д. не изменилось бы. Но, может быть, Д., который на тот момент находился в состоянии абстинентного синдрома, почувствовал бы себя лучше и мог адекватно воспринимать ситуацию и действовать иначе. В ходе предварительного расследования адвокат О. предпринимал попытку оспорить первоначальные показания Д. путем постановки дополнительных вопросов при назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы. Однако в удовлетворении этого его ходатайства было отказано. После этого он пытался оспорить показания с помощью заключения специалиста.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в 00.15 час. 15 октября 2023 года следователь вынес постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Д. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Д. был фактически задержан 14 октября 2023 года в 12.00 час. и доставлен в дежурную часть. В этот же день в 17.57 час. было произведено его медицинское освидетельствование, которое установило у него наличие наркотического опьянения.

В 02.35 час. 15 октября 2023 года Д. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В протоколе задержания указано: *«С задержанием не согласен, скрываться не намерен, готов оказать всю необходимую помощь следствию и суду, в содеянном раскаиваюсь... Подозреваемый Д. уведомил свою сестру о своем задержании и месте нахождения»*. Протокол задержания Д. составлен в отсутствие защитника.

В 23.19 час. 14 октября 2023 года следователь разместил в АИС АПМ заявку на обеспечение 15 октября 2023 года в 01.40 час. подозреваемого Д. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. В 04.04 час. 15 октября 2023 года АИС АПМ указанная заявка была распределена адвокату До.

15 октября 2023 года следователь вынес постановление о назначении подозреваемому Д. защитника – адвоката До. После этого, с 07.50 час. по 08.05 час. при участии адвоката До., представившего ордер от 15 октября 2023 года на защиту Д., последний был допрошен в качестве подозреваемого. В протоколе допроса указано: *«Права и обязанности мне разъяснены и понятны, чувствую себя хорошо, показания давать могу... Психологического или физического давления со стороны сотрудников полиции не оказывалось, претензий к сотрудникам полиции не имею. Свою вину признаю»*.

В этот же день следователь вынес постановление о привлечении Д. в качестве обвиняемого, и с 08.15 по 08.35 час. Д. был допрошен в качестве обвиняемого. Его показания в этом качестве аналогичны показаниям, содержащимся в протоколе его допроса в качестве подозреваемого.

Указанные процессуальные действия с Д. производились с участием адвоката До. в качестве защитника, а протоколы этих процессуальных действий подписаны Д. и адвокатом До. без замечаний.

Адвокат Д. представил в материалы дисциплинарного производства адресованное ему заявление Д. от 15 октября 2023 года, из которого усматривается, что Д. разъяснялись его права, в том числе право пригласить избранного им защитника. Д. также сообщает в этом заявлении, что у него нет защитника по соглашению, и он не возражает против производства процессуальных действий до истечения 24 часов с момента его задержания, а также против участия защитника по назначению – адвоката До.

15 октября 2023 года защитник по соглашению – адвокат В. зарегистрировал в дежурной части свое заявление начальнику органа

внутренних дел о том, что с ним заключено соглашение на защиту Д., в связи с чем он просит известить его о *«предстоящем процессуальном действии в отношении Д.»*. К указанному заявлению адвокат В. приложил ордер от 15 октября 2023 года, выданный ему на осуществление защиты Д.

Рассматривая доводы жалоб адвоката О. и Д. о том, что 15 октября 2023 года защитник по назначению – адвокат До. в нарушение положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ принял участие в производстве следственных и иных процессуальных действий с участием Д. до истечения 24 часов с момента его фактического задержания, Совет отмечает следующее.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого (подозреваемого). В соответствии с ч. 2 и 4 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом, а в случае если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 – 7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В силу ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ.

Обращая внимание на доводы заявителя Д. о том, что следователем размещена заявка в АИС АПМ до возбуждения уголовного дела и, по его мнению, это препятствовало вступлению адвоката До. в уголовное дело в качестве защитника по назначению, Совет отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова указал:

«Конституция Российской Федерации, гарантируя государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 45, часть 1), предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1) и, кроме того, прямо предусматривает, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» (статья 48, часть 2).

Закрепляя это право как непосредственно действующее, Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а, следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации.

Норма статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации определенно указывает на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.

По буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

В противоречие с требованиями статьи 48 Конституции Российской Федерации оспариваемые положения части первой статьи 47 УПК РСФСР препятствуют реализации права на помощь адвоката (защитника), допуская ее не с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а лишь с момента объявления ему органами дознания и следствия протокола задержания или постановления об аресте, в результате чего реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов.

Такое усмотрение открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные

права и свободы ограничиваются, что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенности (статья 22, часть 1, Конституции Российской Федерации), но и умаляет достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Закрепленное в статье 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего права, предусмотренного частью 1 той же статьи, – права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР). Поэтому статья 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, дополнительно гарантирующая защиту от необоснованных ограничений предусмотренного статьей 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката – такая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах. Иное истолкование было бы умалением конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и противоречило бы статьям 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»).

Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику).

Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (статья 50, часть 2, Конституции Российской Федерации).

Изложенное понимание конституционных норм о праве каждого при осуществлении в отношении него уголовного преследования на доступ к адвокату согласуется также с нормами международного права, в соответствии с которыми в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Доступ к адвокату как неотъемлемая гарантия права на защиту в случае уголовного обвинения предусмотрен статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение и обеспечивается право на безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Д. был фактически задержан 14 октября 2023 года в 12.00 час., а в 23.19 час., еще до возбуждения уголовного дела, следователь разместил в АИС АПМ заявку на обеспечение подозреваемого Д. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Это обстоятельство, по мнению Совета, свидетельствует о намерении следователя осуществлять в отношении Д. публичное уголовное преследование. С учетом изложенного, учитывая фактическое положение Д. как лица, в отношении которого публичными властями проводится деятельность, направленная на изобличение его в совершении преступления, факт принятия адвокатом До. заявки, размещенной следователем в АИС АПМ еще до возбуждения уголовного дела в отношении Д., не препятствовал его вступлению в уголовное дело. Дополнительно Совет отмечает, что каких-либо недостоверных сведений заявка, размещенная следователем в АИС АПМ, не содержала. При таких обстоятельствах у адвоката До. не было оснований для отказа от вступления в уголовное дело в отношении Д. в качестве защитника по назначению на основании указанной заявки.

Переходя к оценке довода о вступлении адвоката До. в дело в качестве защитника Д. по назначению до истечения 24-х часов с момента его фактического задержания, Совет считает необходимым напомнить, что в своих Разъяснениях от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» он указал, что «24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения

подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. [...]» (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42).

Не оспаривая довод заявителей о том, что адвокат До. вступил в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого Д. по назначению до истечения 24-часового срока с момента его фактического задержания, Совет отмечает, что в описанной ситуации имело место не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат До. разъяснил Д. его права, в том числе право пригласить избранного им защитника. В свою очередь, Д. сообщил адвокату До., что у него нет защитника по соглашению, и он согласен на участие в процессуальных действиях защитника по назначению – адвоката До. Из протокола задержания Д. от 15 октября 2023 года также следует, что ему были разъяснены положения ст. 46 УПК РФ, предусматривающие это же право. В письменном заявлении Д. от 15 октября 2023 года адвокату До. также указано, что ему разъяснены процессуальные права, в том числе право пригласить избранного им защитника, и он согласен на осуществление защиты адвокатом До.

Совет считает, что заявление Д. от 15 октября 2023 года в совокупности с отсутствием его замечаний в протоколах следственных и иных процессуальных действий свидетельствуют о том, что волеизъявление Д. на оказание ему юридической помощи защитником по назначению – адвокатом До. являлось свободным и добровольным. При этом Совет учитывает доводы жалобы самого Д., который указал, что *«затем мне удалось сообщить своей родной сестре о своем задержании. Я попросил сестру пригласить мне адвоката. Сестра сказала мне, чтобы я не давал никаких показаний до появления адвоката, которого найдут родители, но для этого понадобится не менее суток»*.

Таким образом, изложенная выше совокупность обстоятельств свидетельствует о том, что у адвоката До. на момент принятия решения об

участии в процессуальных действиях имелись не вызывающие сомнения в своей достоверности сведения о том, что защитник Д. по соглашению как минимум в течение суток с момента задержания последнего не сможет вступить в дело и принять участие в процессуальных действиях.

Факт вступления 15 октября 2023 года в 18.40 час. (спустя более шести часов после истечения 24 часов с момента фактического задержания Д.) адвоката В. в уголовное дело в качестве защитника Д. по соглашению дополнительно подтверждает объяснения адвоката До. и опровергает доводы адвоката О. о том, что адвокат До. в отсутствие законных оснований вступил в уголовное дело в качестве защитника Д. по назначению до истечения 24-часового срока.

Применительно к доводам адвоката О. о фальсификации подписи Д. на заявлении последнего от 15 октября 2023 года Совет, соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии и его обоснованием, дополнительно отмечает, что вероятный вывод о принадлежности подписи от имени Д. иному лицу сам по себе не может опровергнуть презумпцию добросовестности адвоката.

Доводы жалобы Д. о том, что 15 октября 2023 года перед его допросом в качестве подозреваемого адвокат До. не ознакомился с материалами уголовного дела, не проводил никакой конфиденциальной беседы с ним, не интересовался состоянием его здоровья, не оказывал никакой юридической помощи в ходе производства процессуальных действий, не разъяснил ему право отказаться от участия в процессуальных действиях, никак не отреагировал на неудовлетворительное состояние его здоровья, а также на то, что следователь скопировал текст объяснения Д. и вставил его в протоколы допроса подозреваемого и обвиняемого, подписал указанные протоколы допросов, не читая их, и не сделал каких-либо замечаний, ненадлежащим образом исполнял свои профессиональные обязанности и вообще никаким образом не пытался осуществлять защиту Д., сообщил ему, что уголовное дело будет прекращено в связи с добровольной выдачей наркотического средства либо Д. изберут меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, не позвонил родителям Д., представил ордер от 15 октября 2023 года, в котором отсутствовала его подпись, Совет оценивает как необоснованные, а некоторые из них – как неконкретные. Какими-либо доказательствами эти доводы не подтверждены, а адвокат До. их категорически отрицает и поясняет, что до производства процессуальных действий между ним и заявителем Д. состоялась конфиденциальная беседа.

Как указано выше, в протоколах допросов от 15 октября 2023 года Д. указал, что чувствует себя хорошо, ему разъяснены и понятны его права, сотрудники полиции не оказывали на него психологического или физического давления, а свою вину он признает. Все процессуальные документы, составленные при участии адвоката До., подписаны Д. без замечаний. При этом в протоколе задержания Д. указал, что с задержанием не согласен и готов оказывать органу следствия всю необходимую помощь. Также в протоколе задержания подозреваемого Д. содержится номер мобильного телефона его сестры и информация о том, что он уведомил ее о

своем задержании. Каких-либо сведений о предоставлении адвокату До. номеров телефонов своих родителей и его отказе связаться с ними ни заявитель Д., ни адвокат О. в материалы дисциплинарного производства не представили.

Согласно ч. 2 ст. 190 УПК РФ показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. В протокол записываются все вопросы, в том числе и те, которые были отведены следователем или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, с указанием мотивов отвода или отказа. При этом УПК РФ не содержит каких-либо запретов следователю на использование флэш-накопителя и копирование ранее данных лицом показаний, при условии, что допрашиваемое лицо согласно с их содержанием и не заявляет о желании чем-либо их дополнить.

Доводы Д. о том, что его допросы в качестве подозреваемого и обвиняемого, которые содержатся на трех и четырех листах, не могли длиться в течение 15 и 20 минут соответственно, Совет также отклоняет как несостоятельные, поскольку, как указывает сам заявитель жалобы, его показания копировались с помощью флэш-накопителя. При этом основной объем информации, содержащейся в протоколах допроса, составляют анкетные данные Д., описание состава его семьи, обстоятельств его жизни, употребления им наркотических средств, а обстоятельства, относящиеся непосредственно к предмету расследуемого деяния, содержатся всего на половине одного из листов протоколов допроса. Представленное в материалы дисциплинарного производства адвокатом О. заключение специалиста не опровергает приведенные выше доводы и выводы.

Довод Д. о том, что в ордере от 15 октября 2023 года отсутствовала подпись адвоката До., также является несостоятельным, поскольку в жалобе не указано, каким именно образом отсутствие в ордере подписи адвоката в данном случае нарушило права Д. при том, что, несмотря на отсутствие этой подписи, адвокат До. вступил в уголовное дело и осуществлял защиту Д.

Утверждения Д. о том, что адвокат До. не оказывал ему никакой юридической помощи в ходе производства процессуальных действий и не ознакомился с процессуальными документами, являются неконкретными, поскольку из них не усматривается, какую именно юридическую помощь, в какой именно момент и при производстве каких именно процессуальных действий адвокат До. должен был оказать, но не оказал заявителю жалобы, и с какими именно процессуальными документами он не ознакомился. Не представил Д. и доказательств того, что адвокат До. сообщил ему, что уголовное дело будет прекращено в связи с добровольной выдачей наркотического средства либо Д. изберут меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

С учетом изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает неопровергнутой презумпцию добросовестности

адвоката До. и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката До. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобам адвоката О. от 11 марта 2024 года (вх. № ...) и Д. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков